

Е. Кралькина

Нам не дано
предугадать

16+

Елена Александровна Кралькина

Нам не дано предугадать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50936327

SelfPub; 2020

Аннотация

Георгий Романшин ехал на работу не в лучшем расположении духа. Две недели назад он был назначен исполняющим обязанности заместителя директора по науке большого НИИ. Надо бы радоваться, только-только исполнилось тридцать шесть лет, и такая должность... Надо бы радоваться, но радости нет. Есть сильная головная боль. Георгий хотел идти в науке дальше и дальше, но бессменный научный руководитель решил по-другому. По его мнению, Георгию настало время набраться житейского опыта и, пока молодой, так сказать, поработать в поле. Георгий ехал на работу и не предполагал, что впереди его ждет любовь, интересная работа, а главное – разгадка тайны, которую завещал ему дед.

Содержание

Пролог	5
1	6
2	11
3	20
4	23
5	31
6	33
7	35
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

*Средь звездности нежной и теплого света тиши
Есть дивный корабль – наш мир «Неизвестный»,
Плывущий неслышно, как странник небесный,
В горячем дыхании чистой души.*

И. К. Вавилин

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы».

Евангелие от Луки (Гл. 8, ст. 17)

Пролог

Я все же решил написать вам, любимые мои Миша и Яша. Я прожил страшную жизнь. Почему я вытянул такой жребий? Не знаю. Лилечке кто-то сказал, что мы с ней свой Рай не доплакали. Сколько же слез надо пролить, чтобы Рай заработать? Лилечка уже много лет каждую ночь плачет, тихонечко плачет, думает, я не слышу. А я все слышу, сердце разрывается, а помочь ничем не могу... Я молюсь об одном. Я хочу, чтобы вы были счастливы.

Любимые мои Миша и Яша, я прожил свою жизнь честно, никого не предал и ни разу не взял чужого. Клянусь в этом самым дорогим, что у меня есть. Тяжело мне это написать, но есть одно дело, которое может бросить тень на меня, а раз на меня, то и на вас. Этого очень боюсь. Дело это давнее, из моего военного прошлого. Доделать это дело придется вам, больше никому. Так уж получается, что я оставляю вам тяжелое наследство. Знайте одно. Если бы время пошло вспять и я вернулся туда, в 1945 год, я поступил бы так же.

Из письма Якова Михайловича Реймана

1

Георгий Романшин ехал на работу не в лучшем расположении духа. Две недели назад он был назначен исполняющим обязанности заместителя директора по науке большого НИИ. Надо бы радоваться, только-только исполнилось тридцать шесть лет, и такая должность... Надо бы радоваться, но радости нет. Есть сильная головная боль. Еще недавно жизнь была простой и ясной. Учеба, диплом, плавно перешедший в кандидатскую, а потом в докторскую. Вот после защиты докторской все трудности и начались. Георгий хотел идти в науке дальше и дальше, но бессменный научный руководитель Всеволод Николаевич Свирский, академик, любитель психологии и искусный царедворец, решил по-другому. По его мнению, Георгию настало время набраться житейского опыта и, пока молодой, так сказать, поработать в поле.

– Считай, схиму на тебя накладываю на год. Поработаешь с людьми. Поймешь, что такое не только за себя отвечать, а за целый коллектив. Директор, Алексей Иванович, глупостей натворить не даст. Если что, прикроет. Один, два больших гранта на институт тебе спущу. Твоя задача – разобраться, какую тему поддержать, а какую, наоборот, прикрыть. Через год посмотрим, может, понравится рулить, а нет – лабораторию под тебя откроем.

Целый год протирать штаны в чиновничьем кресле Георгию совершенно не улыбалось, но с Всеволодом не поспоришь. Мужик с характером. Схима есть схима, надо подчиняться. Две недели Георгий знакомился с институтом удаленно, т. е. без живых контактов с людьми. Сегодня же предстояла встреча с сотрудниками двух лабораторий. Самое ужасное, что Георгию нужно было сказать речь. О чем говорить? Единственно приличное или, наоборот, неприличное, что можно сказать, – это повторить вслед за премьером: «Денег нет, но вы держитесь!» Во всяком случае, честно. Один, два гранта – на большой институт – это капля в море. Георгий не выносил этих бла-бла-бла на тему технологического рывка, преодоления отставания, вовлечения в научную работу молодежи и т. д. и т. п. И вот сегодня ему предстояло выступить именно с таким джентльменским набором штампов. Не просто стыдно – тошнотворно.

Позвонил директор, пригласил зайти. Наверняка для промывки мозгов и серии ценных указаний. Этого Георгий не любил. Предпочитал делать ошибки, но доходить до всего самому. Черт бы ее взял, эту схиму.

– Вот что, Георгий Викторович, введу тебя немножко в курс дела, – начал директор, – встреча у тебя сегодня с лабораториями Смирнова и Полянского. На Смирнова особенно время не трать. Говорит много, делает мало. Из молодых у него только Зарянский есть. Мутный тип, блатовый. Не мог в институт не взять, но с удовольствием выгоню, если пред-

лог найдется. Кажется мне, что какую-то гадость затевает. Постарайся выяснить, только не спеши.

На Якова Полянского внимание обрати. Наш местный гений, только нервный очень. Судьба у него тяжелая. Дед, тезка его, всю войну прошел, вернулся с победой, а его – в лагерь, вроде по доносу. Через семь лет выпустили, оказалось, ни в чем не виноват. Вряд ли извинились. Только дед жить начал – дочь его, Марина Яковлевна, Яшкина мать, у нас здесь, в институте, скоропостижно скончалась. Яшка тогда совсем пацаном был, до сих пор переживает.

Учти, лабораторией у Якова рулит триумвират: сам Полянский, Ирина и Сергей Зимины. У них полный консенсус. Яшка-то с Сергеем с пеленок дружат. Деда их всю войну вместе прошли, ну и внуки сдружились. Сергею повезло: дед, тоже Сергей, в лагерь не попал, и мать до сих пор жива, мне ровесница. Одно время боялся, что Сергей с Яшкой из-за Ирины передерутся, но ничего, пронесло. Ирка-то Сережку с детства любит, Яшка смирился, на другой женился, да впрок женитьба не пошла, разбежались. Самое смешное, что дочка с Яшкой осталась. Он в ней души не чает. Присмотришься к Ленке, штучный товар, таких не наштampuешь. Только пару раз в любви не повезло, теперь нашего брата не жалует, вся в колючках. В лаборатории еще дочка Зиминных работает – Лиза. Тоже штучный товар, но на нее даже не смотри. У нее муж есть, хоть и гражданский. Вместе работают. Раньше бы меня за то, что семейственность развел,

на парткоме бы крепко пропесочили, а теперь – ничего, не бьют. Раньше ведь только у рабочего класса династии были, а у нас – семейственность. Вот скажи, почему такая разница? Да, в лаборатории у Полянского еще два оболтуса есть – Барановский и Сушилин. Они их там Баранкин и Сушкин зовут. Толковые ребята. Ты давай, не дрейфь, присмотрись, может быть, меня сменишь, на пенсию пора. Головой-то не качай, кому-то рулить надо, а на свою науку, если захочешь, время всегда найдешь.

Алексей Иванович говорил, говорил, а сам смотрел на реакцию нового зама. Головастый мальчишка, не зря Севка Свирский его порекомендовал. Головастый, но с норовом. Слушает из приличия, видно, до всего сам дойти хочет. Молодой еще. Однако что-то его в рассказе Алексея Ивановича зацепило, по глазам видно. Интересно что?

Георгий поблагодарил директора за информацию и, сославшись на необходимость подготовиться к встрече, ушел к себе, в свой кабинет. Еще сегодня утром кабинет Георгия пугал. Он был слишком большим и шикарным. Сейчас кабинет показался Георгию убежищем. Здесь можно было укрыться от людей, посидеть в тиши, успокоиться и подумать. Девяносто процентов речи директора Романшин пропустил мимо ушей. Что, почему – сам разберется. Зато оставшиеся десять процентов речи произвели на Георгия впечатление разорвавшейся бомбы. Его дед, тоже Георгий, воевал. На войну попал совсем мальчишкой. Сто раз бы погиб, ес-

ли бы не Яков и Сергей, его однополчане. Они постарше, поопытнее были, деда страховали и в самом конце войны ему жизнь спасли, деда тогда сильно ранило. После войны след Якова и Сергея затерялся. Дед всю жизнь мечтал их найти, но не сложилось, умер, так ничего про друзей и не узнав. Неужели Полянский и Зимин – внуки тех самых Якова и Сергея? Кажется, у одного из них была дочка – Марина. Все вроде сходится. Георгий не удержался и позвонил брату. Кирилл – историк. Вторая мировая – это как раз его тема. Кирилл сразу загорелся с Полянским и Зиминим встретиться. Пообещал в институт часа через два подъехать. Георгий вздохнул. Для того, чтобы заказать пропуск, надо было обращаться к секретарше. Черт бы ее драл. Секретаршу он успел возненавидеть. Гламурная девица сильно походила на его бывшую супругу – Аллу. Такие же наманикюренные пальчики и стервозный характер. Придется все же обращаться, хотя и противно. Что ж, схема на то и схема, что ее исполнять тяжело.

2

Когда выдается свободная минутка, Ирина Константиновна Зимина любит поразмышлять над поворотами своей жизни. Чем дольше Ирина живет, тем больше склоняется к мысли, что ее по жизни ведет Судьба. У Ирины совершенно нестандартная для женщины профессия. Она – физик, причем совершенно искренне считает научную работу своим призванием. На вопрос, как ее угораздило, Ирина обычно отвечает, что, когда Господь ее задумал, он решил посмеяться над стереотипами. Это, конечно, шутка, но, если присмотреться, события, которые привели Ирину в науку, выстраиваются в логическую цепочку. Как это ни банально, но главным мотором была любовь.

Конечно, в детстве ни о какой физике Ира не задумывалась. Все получилось случайно. Они с Сережкой Зиминим с рождения жили в одном доме, в одном подъезде, на одной площадке. Сергей на два года старше Ирины. Сколько Ира себя помнит, столько он казался ей прекрасным Принцем. А вот Сереже Ира в детстве принцессой не казалась. Она, конечно, льстила себе мыслью, что Сережка просто ее не разглядел; беда была в том, что у него не было возможности ее разглядеть. Сережка банально не обращал на Иру никакого внимания.

Однажды, когда Ира училась в пятом классе, зимой она пошла в соседний дом в булочную за хлебом. Шел сильный снег, он припорошил лед. Ирина, естественно, поскользнулась и упала. Рядом упал какой-то мальчишка. Он быстренько поднялся, а у Иры образовалась проблема: она подвернула ногу. Парень помог ей подняться, и она узнала лучшего Сережкиного друга – Яшку. До этого они с Яшкой формально знакомы не были. Конечно, Ира сто тысяч раз видела их вместе с Сережкой, но ребята, если и смотрели в ее сторону, то девочку не видели. Оказалось, что после падения Ира практически не может идти. Яшка купил ей хлеб и помог доковылять до дому. Мама сильно прониклась помощью Яшки и усадила его пить чай с ватрушками. Слово за слово, Яшка пригласил Иру в воскресенье к себе в гости. Его дед собирался рассказывать что-то по физике и даже показывать опыты. Что такое физика, Ира была абсолютно без понятия, но сразу смекнула, что у Яшки наверняка будет Сережка. Ей очень захотелось пойти. Ира посмотрела на маму и увидела на ее лице сомнение. Яша тоже это заметил.

– Вы не бойтесь, ничего плохого и опасного не будет. Дедушка очень ответственный, а если Вы думаете, что он плохой человек, т. к. в тюрьме сидел, то это не так. Он сидел по ошибке, его полностью реабилитировали. Я сам документ видел. Дедушка очень умный, он настоящий физик, он университет окончил. Только сейчас работать не может, здоровья не хватает. И вообще, он всю войну прошел. У него три

ордена Славы, это то же самое, что Герой Советского Союза. Просто солдатам Героя не давали.

Что там у мамы было на уме, Ира не знает. Мама сильно покраснела и отпустила дочку.

Конечно, Ира пошла к Яшке и была совершенно очарована и его дедом Яковом Михайловичем, и... физикой. Оказывается, физика изучает законы природы. Ира раньше даже не задумывалась, что и почему происходит в природе. А тут вдруг... Оказывается, совершенно неслучайно одни тела тонут в воде, а другие плавают. Есть такой специальный закон, и открыл его Архимед, который жил больше двухсот лет до нашей эры. Ире было очень смешно, что открыл этот закон Архимед, лежа в ванне, а потом бежал по Сиракузам с криком: «Эврика!» Еще Яков Михайлович рассказал ребятам о маятнике. Он привесил к люстре длинную веревку с грузиком и показал, как грузик колеблется. Ира узнала два новых для себя слова: «период колебаний» и «амплитуда». Слово «амплитуда» она услышала первый раз, и оно показалось ей очень умным и немножко таинственным. На ребят произвело огромное впечатление, что ученый Галилей изучал колебания маятника, считая свой пульс: часов-то у него не было. Ребята попробовали так же, как Галилей, определить период по пульсу. Ничего путного у них не получилось. Попробовали по часам – здорово, действительно, получилось, что период колебаний не зависит от амплитуды.

Ира стала ходить к Яшке каждое воскресенье. Яков Ми-

хайлович всегда рассказывал что-то очень интересное, показывал опыты, а потом Яшкина бабушка Лилия Петровна поила ребят чаем с пирогами. Все было просто замечательно, физика стала любимой наукой, только Сережка по-прежнему не обращал на Иру никакого внимания. Однажды она набралась смелости, подошла к нему в школе и потихонечку спросила, где Яшкина мама, почему ее никогда не бывает дома. Помню, что ответ ее потряс. Яшкина мама умерла! Ира, конечно, теоретически знала, что люди смертны, но чтобы вот так, совсем рядом, у Яшки...

Сережка, видимо, передал другу, что Ира интересовалась его мамой, т.к. Яшка в тот же день встретил ее и рассказал, что его мама очень расстроилась, когда ее кто-то обозвал жидовкой. Она занервничала и умерла от разрыва сердца. Ира переспросила, кто такая жидовка. Оказалось, это просто еврейка. Девочка тогда совершенно не поняла, что плохого в том, что Яшкина мама еврейка. На это Яшка пожал Ире руку и по секрету намекнул, что они с бабушкой считают ее настоящим человеком и очень красивой барышней, а главное, они считают, что рано или поздно Сережка поймет, какая она замечательная, и обязательно в нее влюбится. Ира до сих пор помнит, как жутко она покраснела.

После школы сомнений, в какой институт поступать, у Иры не было. Вслед за Яшей и Сергеем она поступила на физфак. Прошло много лет, прежде чем Сережка наконец-то рассмотрел Ирину и влюбился. Она тогда уже делала свой

диплом, а Сережка работал над кандидатской. Они тогда сутками не вылезали из лаборатории. Сережка любит приврать, что на Ирину как-то по-особенному упал солнечный луч и он вдруг прозрел. Через три месяца после этого знаменательного события Ира с Сережей поженились. Разве после этого кто-нибудь может утверждать, что Судьба здесь ни при чем?

Сейчас вся троица – Яков Полянский и супруги Зимины, доктора наук, – входят в совет старейшин ведущей лаборатории института. Яков – теоретик – указывает направление общего движения, Ирина ведает экспериментом, а Сергей своими расчетами пытается согласовать экспериментальные результаты с теорией, т. е. суровую реальность с полетом мысли гения.

Последние результаты, полученные в лаборатории, оказались очень интересными. Они сулят не только прорыв в фундаментальной части работы, но и обещают потенциально большой практический выход. Яков, неисправимый оптимист и романтик, решил, что пора подавать заявку на большой грант. Кто бы спорил? Грант решил бы массу проблем. Только как его получить? Несмотря на всю мышиную возню с наукометрией, цифровой экономикой и прочими забавами чиновников, все равно в реальности все определяют знакомства. Сегодня во второй половине дня лабораторию должен посетить новый зам. директора по науке, говорят, молодой и борзый. Яков мечтает заручиться поддержкой начальства и попытаться протолкнуть грант. По сему поводу уже

неделю в лаборатории все стоят на ушах: все чистится, блистится. Вчера вечером вроде все закончили, на сегодняшнее утро остался только вынос мусора. Это ерунда, за час можно управиться.

Сразу заняться мусором не получилось. Баранкин с Сушкиным, основная рабочая сила лаборатории, вчера вечером решили все же завершить эксперимент и сегодня с утра хвастаются результатами. Ирине показалось, что она только на минутку присела посмотреть на результаты, а оказалось, что прообсуждали эксперимент часа два. Главное, наплодили еще кучу мусора, извели полпачки бумаги. Яков, как зашел в лабораторию, как увидел мусор, так сразу стал ругаться, правда, ругался только до тех пор, пока не увидел экспериментальные кривули.

Наконец, перед обедом вопрос с мусором стал ребром. Все нагрузились пакетами и потащились на помойку. Ирина с Яковом сделали три ходки и, откровенно говоря, притомились. Ребята посоветовали им передохнуть, но тут явился некто Зарянский, молодой сотрудник Павла Андреевича Смирнова, лабораторию которого сегодня тоже должно было посетить новое начальство. По закону бутерброда у них сгорел источник питания, и они срочно решили позаимствовать прибор у соседей. Надо сказать, что Смирнов и Ко особенно работой себя не утруждают, все сетуют, что оборудование старое и на нем ничего путного сделать все равно нельзя. Зарянского в лаборатории Полянского недолюбливают.

Злой он, Ирине все время хочется вывернуть его наизнанку и помыть как следует. Может быть, тогда на человека похож будет. Приборами Зимина дорожит, поэтому она послала Сушкина с Баранкиным отнести прибор к Смирнову и самим его подключить, чтобы не было неожиданностей. Приборы – они тоже знают, кто у них хозяин. Зарянского Ирина попросила помочь с мусором. Что бы вы думали? Этот Засранский отказался. Видишь ли, он не нанимался выносить мусор – это не его проблема. На робкие возражения, что люди должны помогать друг другу, он заметил, что это мораль прошлого века. Ирина с Яковом возмутились и напомнили парню, что их помощь ему тоже может понадобиться хотя бы потому, что они члены диссертационного совета, на котором ему предстоит защищаться, если он когда-нибудь доделает свою кандидатскую диссертацию. При голосовании моральный портрет человека тоже в расчет принимают. Зарянский ухмыльнулся и вышел из комнаты. Дверь он прикрыл неплотно и, стоя за дверью, громко произнес: «Старая сволочь! Старый жид!»

Ирина с Яковом остолбенели. Такого в институте еще не было. Услышало Зарянского не только старшее поколение, но и Баранкин, который вернулся за шнуром питания. Он принял «определенные» меры, которые Ирина с Яковом в силу своего положения поддержать никак не могли, хотя всей душой были за. Вмешиваться они не стали.

Все еще пару раз сходили на помойку, и Ирина с Яковом

отправились обедать. Естественно, что они немного подурачились и иначе, как «Старая сволочь» и «Старый жид», друг к другу не обращались. Вроде инцидент был исчерпан, но Ира заметила, что Яков о чем-то глубоко задумался.

– Ира, вот мальчишка тебя обозвал, не очень приятно, конечно, но ты отнеслась к этому адекватно, с юмором. Мне, откровенно говоря, тоже по барабану, старый я жид или нет. Скажи, неужели моя мама могла так расстроиться из-за того, что ее называли жидовкой, так сильно перенервничала, что умерла? Ерунда какая-то, концы с концами не сходятся. Может, я чего-то не знаю, может быть, мне правду, почему она умерла, не рассказали, принимая во внимание мой нежный возраст. Вообще-то про жидовку мне тоже никто ничего не говорил, я подслушал, как отец кому-то рассказывал. С кем поговорить, ума не приложу. С отцом говорить бесполезно и даже опасно. Он, если про мать разговор заходит, сразу трястись начинает. Давление, скорая помощь и все такое прочее.

– Любовь не умирает, других слов нет. Яша, если у человека большое сердце, он может умереть просто так, без причины.

– Ира, моя мама никогда сердцем не болела. Она же спортсменкой была, много раз медкомиссию проходила.

– Значит, чего-то врачи не доглядели. Ты потихоньку у отца узнай, с кем твоя мама работала, с кем училась. Люди еще должны быть живы, что-то помнят. Наверняка смерть твоей мамы не оставила людей равнодушными.

– Воркуете, голуби, – к столу подошел Сергей. – Что новенького? Всю шею вымыли или еще где-то грязь осталась? Что невеселые сидите?

Яков ввел Сергея в курс дела. Ира даже представить себе не могла, насколько близко к сердцу муж примет сегодняшнее «событие».

– Насчет Ирки я с Зарянским разберусь, ответит, как мужик. А вот насчет тебя, Яшка, думаю, разбираться надо со Смирновым. Откуда Зарянский мог узнать, что у тебя дед – еврей? Ты же, как говорится, и по паспорту, и по роже типичный русский. Никакого шнобеля!

– Ни шнобеля, ни Нобеля, – пошутил Яков.

– Нобель – дело наживное, может, и получишь. – Сережка похлопал Яшку по плечу. – Все, ребята, заканчивайте трапезу, пора по коням.

3

Выступление Георгию Викторовичу далось легче, чем он предполагал. Речь была ни о чем: наука во всей стране переживает не лучшие времена, нужно способствовать всему хорошему, искоренять плохое, а главное – прислушиваться к трудовому коллективу. Георгия вполне устроило, что вся аудитория очень быстро отключилась: молодежь уткнулась в смартфоны, старшее поколение вполголоса обсуждало свои дела. Внимательно слушала его только одна женщина, видимо Зими́на. У нее на лице было написано участие и даже сочувствие. Вот этого не надо! Не надо его жалеть! Он еще всем докажет!..

Георгий никогда бы публично не признался, но его отношение к женщинам-физикам было, мягко говоря, скептическим. Сочувствие Ирины его сильно задело. Раздражение красноречия не прибавило. Романшин немножко запутался в словах и закруглился. Все, включая его самого, вздохнули с облегчением.

Ирине слушать речь нового начальника было стыдно. За чем его заставили выступать? Что он может сказать? Совсем еще мальчишка. Надежды на то, что Романшин сможет помочь протолкнуть грант, испарились. Жаль. Болтали, что Георгия определил в начальники академик Свирский. Свир-

ский, конечно, мог бы помочь, только вряд ли Романшин захочет к нему обращаться. Жаль, очень жаль. Столько надежд было.

После официоза пошли по лабораториям. Настроение у Георгия Викторовича заметно улучшилось. Для начала он решил сосредоточиться на знакомстве с людьми, а потом уже начать вникать в суть дела.

Сначала пошли в лабораторию Смирнова. Сразу видно, что Павел Андреевич вырос при советской власти. Речь округлая и льется, льется нескончаемым ручейком. Ему бы сто миллионов и десятков сотрудников, так он бы горы своротил, все известные физические механизмы выявил и еще сто новых придумал... А без миллионов – картина печальная, но не безнадежная. Смирнов даже решил продемонстрировать свою установку в действии и приготовился включить источник питания. Вдруг один из сотрудников, кажется Дмитрий, зять Зиминых, как закричит: «Стойте! У Вас земляной провод на жилу упал, сейчас короткое будет!» Стали разбираться. Действительно, могло бы коротнуть, и тогда прости-прощай, источник питания. Оказалось, что источник питания взят у Зиминой. Она стойко промолчала. А вот молодой сотрудник Смирнова – Зарянский, у которого под глазом с очевидностью начал проступать совершенно неуместный на сегодняшнем мероприятии фингал, – повел себя совершенно неприлично. Вместо того, чтобы убрать земляной провод и дать возможность Смирнову продолжить представлять лабо-

раторию, начал бузить. Он кричал, что это Баранкин с Сушкиным специально аварию подстроили, чтобы на него свалить. Зимина сухо напомнила Зарянскому, что, когда Баранкин с Сушкиным из их лаборатории уходили, все работало. Смирнов начал выгораживать Зарянского, Ирина Константиновна со Смирновым не согласилась. На взгляд Георгия Викторовича Ирина Константиновна отреагировала недопустимо резко. Это еще раз убедило Георгия в том, что эта женщина ему явно не нравится. В его лаборатории, если она когда-нибудь станет реальностью, женщин не будет вообще.

В лаборатории Полянского Георгию стало гораздо интереснее, чем у Смирнова. Чувствовалось, что процедура представления лаборатории давно и хорошо отработана. Зимина довольно складно рассказала об имеющемся оборудовании. Молодежь продемонстрировала несколько зрелищных эффектов. Яков Полянский показал презентацию с последними результатами. Кое-что было очень интересным, причем это кое-что перекликалось с работой Георгия. Он приободрился. Может, не все в схеме плохо, может, если с Полянским совместную работу замутить, не так тоскливо будет.

После официальной части Георгия пригласили выпить чаю. Он согласился. Надо было найти подходящий момент, чтобы заговорить о военном прошлом дедов. Удачно, что от проходной позвонил брат Кирилл. Он подъехал как раз вовремя. У Кирки язык без костей, ему и карты в руки. Пусть мосты наводит и разговор на дедов выводит. Георгий вздохнул с облегчением. Неприятно, но пришлось звонить секретарше, чтобы она Кирилла встретила и привела в лабораторию к Полянскому. Секретарша, стерва, дала понять, что она не нанималась родственников начальства обслуживать, но подчинилась.

Георгий удивился, но в лабораторию Кирилла привела не секретарша, а незнакомая, очень красивая девушка. Темная шатенка с большими глазами. Кирка весело болтал с девушкой, как будто был знаком с ней, по крайней мере, сто лет. Девушка Георгию понравилась. Ничего общего с его бывшей. Никакого гламура: кроссовки, джинсы с дырками, толстовка и хвост вместо стрижки. Девушка под села к Лизе. Кирка как ни в чем не бывало уселся рядом.

Георгий заметил, что Сушкин с Баранкиным потихонечку смылись. Дмитрий, к явному неудовольствию Лизы, тоже куда-то ушел. Георгий обрадовался. Говорить о личных ве-

щах при посторонних ему не хотелось.

Только разлили чай, как в лабораторию притащился Зарянский и тоже уселся за стол. У Ирины все внутри перевернулось. Эмоции взяли верх над разумом, и, несмотря на присутствие начальства, она попросила Зарянского удалиться. Георгий поморщился: опять Зимина повела себя неадекватно. Он внутренне поддержал Смирнова, который встал на защиту Зарянского, и стал поучать Зимину, как надо вести себя с молодыми сотрудниками. Зарянский сидел за столом и ухмылялся.

– Зарянский, выйдите вон, или я вышвырну Вас за шкуру, – Сергей Зимин явно встал на защиту супруги. – Сегодня же напишу докладную в дирекцию с требованием, чтобы Вас уволили с соответствующей записью в трудовую книжку. Вы оскорбили уважаемых людей – Ирину Константиновну и Якова Михайловича. Безнаказанно Вам это не пройдет, обещаю.

Зарянский нехотя поднялся и вышел, Георгий заметил, что дверь он прикрыл неплотно, но не придавал этому значения.

Смирнов потребовал объяснений. Зимин сухо изложил факты. Георгию стало стыдно. Он, не разобравшись, хорошо, что мысленно, осудил Зимину. Ошибся.

– Павел Андреевич, я скажу прямо, несмотря на начальство, – Зимин начал наезжать на Смирнова. – Это полный беспредел! Откуда, кроме как от Вас, Зарянский мог узнать,

что у Якова дед – еврей?

– Сергей Александрович, за кого Вы меня принимаете? Я солидный человек. Неужели Вы думаете, что я буду обсуждать заслуженных коллег с мальчишкой? Зарянский – родственник Кузьмичева. Когда-то жена Кузьмичева работала в одной группе с матерью Якова Михайловича – Мариной, Мариной Яковлевной точнее. Отношения там были не очень хорошие, то есть очень плохие. Кто знает, кто тогда дал Марине эти злосчастные таблетки. Думаю, от Кузьмичевых ветер и дует. Напомню, что Кузьмичев возглавлял наш институт больше 20 лет, никто его правнука увольнять не будет. Слишком много вони будет.

– То есть Вы хотите сказать, что этого ублюдка, который оскорбил тетю Иру и моего отца, оставят в институте? – девушка, которая привела Кирку, от возмущения вся покраснелась.

Георгий решил вмешаться.

– Девушка, извините, не знаю, как Вас зовут, я обещаю, что во всем разберусь, правда, не в один день. Я обязательно разберусь, обещаю.

– Леночка, если Егорша обещал разобраться, значит, разберется. Уверяю, одним фингалом ублюдок не отделается. – Кирилл пропиарил Георгия. Специально Егоршей назвал, чтобы на реакцию Якова и Сергея посмотреть.

– Егорша? Странно знакомое имя. – На лице Зимина появился интерес. – У нас с Яшкой деда всю войну прошли

с Егоршей – однополчанином. Он сразу после школы – на фронт. Столько рассказов было. Егоршу в самом конце войны ранило. Деды его в Германии в госпиталь доставили. Жаль, так никогда и не узнали, что дальше с ним стало.

– Зато мы с Георгием знаем, что дальше было. Егорша – это наш дед, – сразу взял быка за рога Кирилл. – Их было трое – одна команда. Яша – профессор, Сергей – инженер, и Егорша – молодец. Дед действительно в самом конце войны был ранен. Потерялся, всю жизнь мечтал еще с друзьями повидаться. Справки наводил, но так и не смог никого разыскать. Яков Михайлович деду всю жизнь перевернул. Уж так здорово про физику рассказывал, что у нас все, кроме меня, в физику двинули.

– Опа на, чего только в жизни не бывает! Кому рассказать – не поверят! Столько лет прошло, и вдруг Яков, Сергей, Егорша и Кирилл, внуки, за одним столом оказались. Ирка вон у нас фаталистка, считает, что ничего просто так не бывает. Значит, Судьбе от нас что-то надо. За такую встречу грех не выпить. – Сергей полез в сейф за коньяком.

– Подожди, Серега, выпьем обязательно, только чуть позже. Павел Андреевич, о каких таблетках Вы говорите? Что выпила моя мать? – Яков обратился к Смирнову.

– Вы, что, ничего не знаете? Странно, все, что знал, я рассказал Вашему деду, он ко мне приходил. Помню, большое впечатление на меня произвел, не человек – глыба. Марина в него пошла. Яков Михайлович, все, что произошло с Ма-

риной, – очень длинная, запутанная история. Не знаю, стоит ли ворошить прошлое. Когда-то партком принял решение засекретить все, что с этим связано. Никто не хотел разбирательства. Была распространена версия, что Марина умерла от сердечной недостаточности, насколько я знаю, секретность была соблюдена.

Яков побледнел. Девушка Лена, видимо дочь Якова, подошла и села рядом с отцом.

– Какой на хрен партком? На дворе XXI век! – Зимин повысил голос. – Вы, что, не понимаете, чем для Якова была смерть матери? Ему же одиннадцать лет было, когда матери не стало. Мы же тогда на кладбище поклялись, что отомстим тому, кто довел тетю Марину до смерти.

Смирнов долго сидел и смотрел на свои руки.

– Уважаемый Сергей Александрович, моя мать умерла, когда мне было тринадцать. Разница не очень велика. Чувства Якова Михайловича я вполне понимаю, не надо выставать меня монстром. Это Вы не понимаете, что для меня вся эта история очень личная. Я ведь был влюблен в Марину. Мы учились вместе. Она была совершенно необыкновенная: красивая, умная, добрая и очень честная. А какое у нее было чувство юмора, а как она пела! К сожалению, жениться на Марине я не мог, хотя и очень этого хотел. Отец у меня работал в органах, был большим патриотом, моя женитьба на полукровке, да еще и на дочке зэка, поставила бы крест на его карьере. Дома был грандиозный скандал, и мне пришлось

отступиться, тем более что Марина явно отдавала предпочтение Михаилу. Тем не менее мы с Мариной остались большими друзьями.

– Что за ужас Вы такой рассказываете? – завелась Лена. – Что, если я, к примеру, еврейка, то не могу быть патриоткой? Ради карьеры растоптать любовь... Это не просто ужас – это самый настоящий ужас, ужас, ужас...

– Лена, прекрати, сейчас вылетишь отсюда, – Яков резко оборвал дочь. – Павел Андреевич, пожалуйста, продолжайте. Простите Елену, молодо-зелено.

– Марина работала в одной группе с Кузьмичевой. У Кузьмичевой было все: муж – директор, прекрасная квартира, машина с шофером, дом – полная чаша. Не было у нее одного – таланта к научной работе, а вот у Марины талант был, и еще какой. Марина очень быстро стала неформальным научным лидером в группе. Кузьмичева, видимо, завидовала и использовала руль, который был в ее руках, чтобы по возможности перекрыть Марине кислород. Отношения были напряженные. И вот представьте себе ситуацию: Марине приходит приглашение на международную конференцию выступить с приглашенным докладом, а Кузьмичевой ничего не приходит. До этого момента только Кузьмичева одна из всей группы выезжала за рубеж. Для Кузьмичевой это был удар ниже пояса. Ей срочно понадобился компромат на Марину. Не могла она перенести, что Марина в чем-то окажется впереди нее. Вот тут-то и всплыла информация, что Мари-

нин отец отбывал срок. Помню, где-то за месяц до кончины Марина пришла ко мне с просьбой. Она просила меня через моего отца выяснить, почему ее отец был арестован. Почему-то Яков Михайлович – старший наотрез отказывался отвечать на этот вопрос. Сказал, что полностью реабилитирован, и точка. Ни одного слова больше.

Мой отец, конечно, не мог выполнить просьбу Марины: не положено было, внутренняя этика не позволяла. Марина отнеслась к отказу отца с пониманием. Раньше, чтобы выехать за рубеж, нужна была рекомендация парткома. Марине рекомендацию не дали. Обидно ей, конечно, было, особенно поначалу, но довольно быстро она пришла в себя. Я очень удивился, когда в тот роковой день Марина прибежала ко мне в совершенно растрепанных чувствах. Я никогда не видел ее в таком состоянии. Говорила она много, но совершенно бессвязно. Чаще всего Марина повторяла: «Он сказал, что отец – предатель и связан с немцами... Он сказал, что отец – вор... Я подам в суд...» Я дал ей воды. Марина вытащила из сумочки две таблетки, вроде как ей кто-то дал успокоительное. Я уговаривал ее не пить таблетки, все знали, что Марина – аллергик. Но ей надо было вести Вас, Яков Михайлович, к врачу или на какой-то кружок. Она хотела успокоиться. Ну, а после того, как Марина выпила таблетки... была только скорая помощь и конец. До больницы Марину не довезли.

– Выходит, я косвенно виновен в том, что мама умерла. Спасибо, Павел Андреевич, что рассказали мне правду,

я Вам очень благодарен. – Яков выглядел сильно постаревшим.

– Ну, ты еще придумай, что ты виноват в том, что Тутанхамон умер, – возмутилась Лена, – нет чтобы порадоваться, что правду о смерти матери узнал, так обязательно надо себя виноватым объявить.

– Ленка, между прочим, права, хватит минора, пора перейти к возлияниям. Я предлагаю переместиться к нам домой, – Зимин начал тормозить Якова.

– Вот еще что, – подал голос Смирнов. – Я через много лет узнал, что Вашего деда, Якова Михайловича Реймана, посадили из-за доноса, что он в Германии вошел в контакт с немцами и утаил от государства какие-то ценности. Ваш дед категорически все отрицал и после смерти Сталина был реабилитирован, правда, после семи лет лагерей. Какой-то генерал за него сильно заступился.

– Дед ничего не мог утаить, он был кристально честным человеком. – Яков даже по столу рукой ударил. – Это какая-то ошибка. Надо разбираться.

Все горячо поддержали Якова.

Георгий был очень доволен, что к Зиминым вместе с ним поехал Кирюха. Братья понимали друг друга с полуслова и всю жизнь старались держаться вместе. Оба любили деда. Родители много работали, частенько им было не до сыновей, а вот дед всегда был рядом. Многому их научил. Строгим был, но справедливым.

Квартира Зиминых Георгию понравилась. Совсем другой стиль, нежели в квартире его бывшей – Аллы. Мебель немного старовата, и на письменном столе беспорядок, но в целом очень уютно. Главное – нет вещей, приобретенных исключительно для понта.

Дома у Зиминых все сразу занялись делом. Сергей Александрович отлучился в магазин. Ирина ушла на кухню. Лиза с Леной начали собирать на стол. Им стал помогать Яков Михайлович. Видно, что он в доме у Зиминых свой. Хорошо знает, что где лежит. Пока суть да дело, Романшиных стал развлекать разговорами Смирнов. Опять зажурчал ручеек бесконечной речи ни о чем. Братья переглянулись. Без слов они единогласно приняли решение: при Смирнове ни о чем, что они знали от деда, не говорить.

Кирилл поинтересовался, нет ли у Зиминых и Полянских старых военных фотографий. К сожалению, все фронтовые

фотографии их деда сгорели при пожаре. Фотографии нашлись у Полянского. За альбомом быстро сходила Лена.

Братья открыли альбом, и у них перехватило дыхание. С первой же страницы на них смотрел дед. Совсем мальчишка. Худенький, шинель на два размера больше, чем надо. Рядом с дедом на фотографии стояли два парня постарше, но, пожалуй, помоложе, чем сейчас Георгий и Кирилл. Один парень, длинный и худой, похож на Полянского, другой – косая сажень в плечах, точно как у Зимина. Братья представляли себе однополчан деда – Сергея и Якова, совсем взрослыми мужчинами, а тут – в общем-то, тоже мальчишки, чуть старше, чем их дед. Георгию стало стыдно. Он чувствовал себя несчастным и обиженным. Из-за чего? Из-за ерундовой схи-мы. Подумаешь, год в чиновничьем кресле посидеть. А вот если бы его, как деда, из школы – на войну... Вдруг кишка бы тонка оказалась?

Очень интересную фотографию братья нашли в самом конце альбома. Вся троица была снята на фоне настоящего замка, прямо как из сказки про рыцарей. Георгий с Кириллом переглянулись. Не исключено, что именно отсюда тянется шлейф несчастий Полянских.

Лена обрадовалась, что дядя Сережа утащил отца и этих новых братьев Романшиных к себе. Не надо, чтобы отец один оставался. Слишком много впечатлений. Сама Лена, как только все сели за стол ужинать, заняла позицию в соседней квартире у Лизы. Если что, она тут как тут: и валидол отцу в рот сунет, и домой оттащит. Сейчас все спокойно. Отец Романшиным и этому Смирнову старые фотки показывает. Братья своего деда разглядели, даже расчувствовались. Тут дядя Сережа коньяк выставил, теперь сидят выпивают. У дяди Сережи все под контролем. А у Лены голова пухнет: во-первых, надо отца и деда, если он про бабкину смерть правду узнает, в чувство привести, во-вторых, не допустить, чтобы они расследованием занялись. Все провалят. Этим она займется сама, с Лизкой и тетей Ирой, конечно. С бабкиной смертью надо разобраться, кто ей таблетки подсунул, неспроста она померла, судя по всему, про ее аллергию тот, кто надо, знал. Не стали бы все секретить, если бы криминала не было. Была червоточина, точно была. Ну и с проблемами прадеда разобраться надо. Пора поставить жирную точку на всей этой истории с предками. Надо все обдумать, они с Лизкой на многое способны. Жаль, что сейчас у Лизки мозги отключились. Сидела в лабе, вроде все слушала и ни-

чего не услышала: из-за Митьки переживала. Лена уже сто раз говорила дурище, что все ее переживания от того, что она настоящего горя не видела. Пришла домой, сидит в расстроенных чувствах, видите ли, от несправедливости и гадства ей выть хочется.

Сегодня вечером, после работы, Лиза собиралась оттянуться вместе с любимым мужем: сначала поплавать в бассейне, а потом зависнуть в кафе с Ленкой и сладкой кондитерской парочкой – Баранкиным и Сушкиным. По закону подлости, если что-то хорошее затевается, обязательно кто-то это хорошее должен испортить. Сегодня, как и почти всегда, в роли черного человека выступила Митькина мачеха – Галина Семеновна, сокращенно ГС. ГС расшифровывается просто – гражданская свекровь, потому что на сегодня Митя и Лиза состоят в гражданском браке. Не потому, что считают свой брак временным, совсем нет. Просто Митя терпеть не может пафосных мероприятий. В костюме, с галстуком, на идиотском автомобиле, среди толпы родственников... На такую жертву Митя идти не согласен. У ГС на Митькин брак совсем другой взгляд, легко догадаться какой. По этой самой причине Лизин отец расшифровывает ГС по-другому: говенная свекровь. Естественно, как хорошо воспитанный человек, Сергей Александрович позволяет себе вольность в интерпретации аббревиатуры ГС только в отсутствие Митьки.

Так вот, сегодня днем ГС в состоянии панической атаки позвонила Мите: что-то у нее там с электричеством произошло, что-то не включается. Разобраться, естественно, может

только Митька: разве можно что-то доверить электрику из ЖЭКа? Лиза совсем не жестокосердная, и забота о ближних ей не чужда, но чутье ей подсказывает, что в данном случае все не так просто. Уже неделю ГС изводит Лизу рассказами о соседкиной племяннице – Анечке, которая приехала к ней в отпуск. Во-первых, девушка, сразу видно, серьезная, только институт окончила. Во-вторых, красивая, ну просто чудо, как хороша. В-третьих, прекрасно готовит. Последний козырь бьет Лизку наповал. ГС считает, что в смысле кулинарии Лизе медведь на ухо наступил. И вообще, Лизка слишком много думает о работе и слишком мало о муже. Митьку, правда, все устаивает, но ГС мнение Митьки в расчет не принимает. Лизка – научный сотрудник, поэтому приучена смотреть на вещи реально и логически оценивать ситуацию. Она считает, что ГС решила познакомить Митю с Аней ради возникновения у них, как говорится, серьезных отношений.

– Неужели Митька купится? Вроде три года вместе прожили и ссорились всего семь раз, причем пять раз – из-за того, что по-разному эксперимент интерпретировали. – Лизка даже немножко всплакнула.

Все знают, что, если горько на душе, надо, чтобы в желудке стало сладко. Лена купила торт, и они с Лизкой отдали ему должное. У Лизки настроение улучшилось, и она пристала к Лене с совершенно идиотским наблюдением. Ей показалось, что этот новоявленный Егорша запал на Елену. Может ли до такого додуматься нормальный человек? Во-

первых, Егорша старый, ему уж, наверное, сорок скоро, а во-вторых, начальник. Знает же Лизка, что Лена начальников на дух не переносит, и туда же. Лена решила эту галиматью пресечь и посоветовала Лизке начать эксперимент обрабатывать. Пусть мозги в мирных целях использует. Странно, но Лизка послушалась. Врубил музыка погромче, и понеслось... Обычно считается, что обрабатывать эксперимент – это отстой, работа для рабов – студентов. Старшее поколение и Лизка с Митькой твердо убеждены, что это мнение людей, оказавшихся в науке случайно. Как-то Яков Михайлович, когда солидно выпил, стал поучать Баранкина с Сушкиным высоким штилем: «Как из куска мрамора под резцом скульптора появляется статуя, так и при обработке результатов измерений начинают проступать физические закономерности, о которых, глядя на цифры, ну никак не догадаться. И ошибки сразу же все видны. Куда идти, что дальше мерить, что повторить...» Баранкин с Сушкиным вынуждены были с Полянским согласиться: все-таки начальник. Согласились и сразу забыли. Не царское это дело – графики строить, для этого аспиранты есть. Те еще сачки!

Лиза увлеклась работой, а Лена смогла сосредоточиться на своих проблемах и даже наметила план ближайших действий.

– Лизка, Ленка, вы где? Пожрать что-нибудь есть? – крик Мити вернул девушек к реальности.

– Ты что так скоро? Я тебя еще и не ждала. – Лизка сде-

лала вид, что совершенно не переживала из-за Митькиной поездки к мачехе.

– Ждала, не ждала, есть хочу, умираю, вставай, иди корми мужика. А что это у тебя тут получилось? – Митя увидел кривые, построенные Лизой. – Вы что, без меня еще мерили? Не должна тут кривая падать, криворукие, неправильно померили, небось сдвиг фаз не учли.

– Все учли, дорогой мой, единственный. Сам знаешь, эксперимент всегда прав, чтобы ты там по поводу кривой ни думал. Иди, мой руки, голодающий Поволжья, котлетки и тортик тебя дожидаются. Тебя Галина Семеновна, что, не покормила?

– Пыталась покормить, да там соседка пришла с угощением. Салат – две картошины в майонезе плавают, и печенье – один сахар. Сразу диабет заработаешь. Я наврал, что перед уходом на работе поел. Батя тоже только вилкой в салате поковырял и откланялся. Мы с ним в гараж пошли, лампочки в фарах поменяли.

– Соседка-то красивая?

– А черт ее знает. Что я, на нее смотрел, что ли? Они с мачехой Киркорова обсуждали. Я что, эту лабуду слушать буду?

По Лизе сразу стало видно, что у нее все запело внутри. Она подошла сзади к мужу, обняла его и поцеловала в макушку. Митька одобрительно что-то забормотал с набитым ртом.

«Какая же все-таки Лизка счастливая, что у нее есть Митька, – подумала Лена, – а у меня полный швах...» Предаться печальным мыслям она не успела, т. к. у Лизки запиликал сотовый, звонила ГС. Лизка включила громкую связь.

– Лизочка, деточка, ты не волнуйся, Митя сегодня задержится, у нас очень сложная неисправность. Он или совсем поздно приедет, или ночевать у нас останется. Ты только не волнуйся.

– А чего мне волноваться, Галина Семеновна? У меня все в порядке. Скоро спать лягу, – медовым голосом ответила Лиза.

– Ты умная девочка, Лиза, только не тем занимаешься, домом надо заниматься, домом. А ты все на работе, так и без мужа остаться можно. – ГС отключилась.

– У мачехи, что, глюки? Вроде рано еще.

– Митька, святая простота, зачем тебя в гости звали? Думаешь, проводку чинить? Черта с два! Тебя звали, чтобы ты с неземной красавицей Анечкой познакомился, может, клюнешь. Она же кулинарка, не то что я. Мне Галина Семеновна уже неделю все печенки этой Анечкой проедает. – У Лизы на глазах навернулись злые слезы.

– Лизка, да ты что? Мачеха, конечно, не Ландау и даже не Лившиц, но чтобы додуматься до того, что я этой дурой заинтересуюсь, – это же абсолютной debilкой надо быть. Это все твои бабские выдумки... Прости. Это я не подумал. Если подумать и сопоставить... Галина меня отправила помочь

соседке салаты ее до дому донести. Что она себе вообразила? Ну, так я салаты донес и сразу такси вызвал. Кофе пить заходить не стал. Иди сюда, моя страдальца. Нет чтобы мне глаза пораньше открыть. Я бы и не поехал, пусть электрика из ЖЭКа вызывают.

Лена почувствовала себя лишней и пошла проведать отца. Там уже закончили с фотографиями и перешли к разговорам за науку. Про свою физику эти ненормальные могут говорить до утра, поэтому она позвонила деду, обрисовала ситуацию и посоветовала ложиться спать. Сама Лена, пока суть да дело, решила пойти погулять с собаками. Сначала с собаками тети Иры, а потом со своими. Отец это просек, посмотрел на часы и пристал, что гулять уже поздно. Интересно, кто из нынешних мужчин осмелится пристать к девушке, если рядом с ней собаки, в том числе доберман? Лена бы с интересом посмотрела на такого. Георгий свет Викторович принял ситуацию близко к сердцу, вызвался сопровождать Лену на прогулке и вообще засобирался домой. Его брат, Кирилл, уже ушел. У Кирилла жена скоро рожать должна, и он ее одну не оставляет. Вырвался всего на пару часов, пока теща у него в гостях была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.